

ЭРНЕСТ
ХЕМИНГУЭЙ

По ком звонит колокол

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-31

ББК 84 (7Сое)-44

X37

Серия «Зарубежная классика»

Ernest Hemingway
FOR WHOM THE BELL TOLLS

Перевод с английского Н. Волжиной и Е. Калашниковой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А. Смирнова

Печатается с разрешения Hemingway Foreign Rights Trust
и литературного агентства Fort Ross, Inc.

Подписано в печать 20.08.14. Формат 70х90 1/32.
Усл. печ. л. 18,56. Доп. тираж экз. Заказ № .

Хемингуэй, Эрнест.

X37 По ком звонит колокол : [роман: перевод с английского] / Эрнест Хемингуэй. — Москва: АСТ, 2015. — 508, [4] с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-081349-0

«По ком звонит колокол» — один из лучших романов Хемингуэя.

Полная трагизма история молодого американца, приехавшего в Испанию, охваченную гражданской войной.

Блистательная и печальная книга о войне и любви, истинном мужестве и самопожертвовании, нравственном долге и непреходящей ценности человеческой жизни.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Сое)-44

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1939

© Перевод. Н. Волжина, наследники, 2014

© Перевод. Е. Калашникова, наследники, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и также, если смоем край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, что я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе.

Джон Донн

FOR WHOM THE BELL TOLLS
1940

Глава первая

Он лежал на устланной сосновыми иглами бурой земле, уткнув подбородок в скрещенные руки, а ветер шевелил над ним верхушки высоких сосен. Склон в этом месте был некрутой, но дальше обрывался почти отвесно, и видно было, как черной полосой вьется по ущелью дорога. Она шла берегом реки, а в дальнем конце ущелья виднелась лесопилка и белеющий на солнце водоскат у плотины.

— Вот эта лесопилка? — спросил он.

— Да.

— Я ее не помню.

— Ее выстроили уже после тебя. Старая лесопилка не здесь; она ниже по ущелью.

Он разложил на земле карту и внимательно вгляделся в нее. Старик смотрел через его плечо. Это был невысокий, коренастый старик в черной крестьянской блузе и серых штанах из грубой ткани; на ногах у него были сандалии на веревочной подошве. Он еще не отдышался после подъема и стоял, положив руку на один из двух тяжелых рюкзаков.

— Значит, моста отсюда не видно?

— Нет, — сказал старик. — Тут место ровное, и река течет спокойно. Дальше, за поворотом, где дорога уходит за деревья, сразу будет глубокая теснина...

— Я помню.

— Вот через теснину и перекинут мост.

— А где у них посты?

— Один — вон там, на этой самой лесопилке.

Молодой человек, изучавший местность, достал бинокль из кармана lined фланелевой рубашки цвета хаки, протер платком стекла и стал подкручивать окуляры, пока все очертания не сделались вдруг четкими,

и тогда он увидел деревянную скамью у дверей лесопилки, большую кучу опилок за дисковой пилой, укрытой под навесом, и часть желоба на противоположном склоне, по которому спускали вниз бревна. Река отсюда казалась спокойной и тихой, и в бинокль было видно, как над прядями водоската разлетаются по ветру брызги.

— Часового нет.

— Из трубы идет дым, — сказал старик. — И белье развешено на веревке.

— Это я вижу, но я не вижу часового.

— Должно быть, он укрылся в тени, — пояснил старик. — Сейчас еще жарко. Он, наверно, с той стороны, где тень, отсюда нам не видно.

— Возможно. А где следующий пост?

— За мостом. В домике дорожного мастера, на пятом километре.

— Сколько здесь солдат? — Он указал на лесопилку.

— Не больше четырех и капрал.

— А там, в домике?

— Там больше. Я проверю.

— А на мосту?

— Всегда двое. По одному на каждом конце.

— Нам нужны будут люди, — сказал он. — Сколько человек ты можешь дать?

— Можно привести сколько угодно, — сказал старик. — Тут, в горах, теперь людей много.

— Сколько?

— Больше сотни. Но они все разбиты на маленькие отряды. Сколько человек тебе понадобится?

— Это я скажу, когда осмотрю мост.

— Ты хочешь осмотреть его сейчас?

— Нет. Сейчас я хочу идти туда, где можно спрятать динамит. Его нужно спрятать в надежном месте и, если возможно, не дальше чем в получасе ходьбы от моста.

— Это нетрудно, — сказал старик. — От того места, куда мы идем, прямая дорога вниз, к мосту. Только, чтоб туда добраться, надо еще поднатужиться немного. Ты не голоден?

— Голоден, — сказал молодой. — Но мы поедем после. Как тебя зовут? Я забыл. — Он подумал, что это дурной знак, то, что он забыл.

— Ансельмо, — сказал старик. — Меня зовут Ансельмо, я из Барко-де-Авила. Давай я помогу тебе поднять мешок.

Молодой — он был высокий и худощавый, с выгоревшими, светлыми волосами, с обветренным и загорелым лицом, в линялой фланелевой рубашке, крестьянских штанах и сандалиях на веревочной подошве — нагнулся, просунул руку в ременную лямку и взвалил тяжелый рюкзак на плечи. Потом надел другую лямку и поправил рюкзак, чтобы тяжесть пришлась на всю спину. Рубашка на спине еще не просохла после подъема на гору.

— Ну, я готов, — сказал он. — Куда идти?

— Вверх, — сказал Ансельмо.

Согнувшись под тяжестью рюкзаков, обливаясь потом, они стали взбираться по склону, густо поросшему сосняком. Тропинки не было видно, но они все поднимались и поднимались, то прямо, то в обход, потом вышли к неширокому ручью, и старик, не останавливаясь, полез дальше, вдоль каменистого русла. Теперь подъем стал круче и труднее, и наконец впереди выросла гладкая гранитная скала, откуда ручей срывался вниз, и здесь старик остановился и подождал молодого.

— Ну, как ты?

— Ничего, — сказал молодой. Но он весь взмок, и у него сводило икры от напряжения при подъеме.

— Подожди меня здесь. Я пойду предупрежу. С такой ношей не годится попадать под обстрел.

— Да, тут шутки плохи, — сказал молодой. — А далеко еще?

— Совсем близко. Как тебя зовут?

— Роберто, — ответил молодой. Он спустил рюкзак с плеч и осторожно поставил его между двух валунов у ручья.

— Так вот, Роберто, подожди здесь, я вернусь за тобой.

— Хорошо, — ответил молодой. — А скажи, к мосту ведет эта же дорога?

— Нет. К мосту мы пойдем другой дорогой. Там ближе и спуск легче.

— Мне нужно, чтобы материал был сложен не слишком далеко от моста.

— Посмотришь. Если тебе не понравится, мы выберем другое место.

— Посмотрим, — сказал молодой.

Он сел возле рюкзаков и стал глядеть, как старик взбирается на скалу. Взбирался он без труда, и по тому, как он быстро, почти не глядя, находил места для упора, ясно было, что он проделывал этот путь уже много раз. Но жившие там, наверху, заботились, чтобы не было никакой тропы.

Роберт Джордан — так звали молодого — мучительно хотел есть, и на душе у него было тревожно. Чувство голода было для него привычным, но тревогу ему не часто приходилось испытывать, так как он не придавал значения тому, что может с ним случиться, а кроме того, знал по опыту, как просто передвигаться в тылу противника в этой стране. Передвигаться в тылу было так же просто, как переходить линию фронта, был бы только хороший проводник. Все лишь тогда становится трудным, когда придаешь значение тому, что может случиться с тобой, если поймают, да еще трудно решать, кому можно довериться. Людям, с которыми работаешь вместе, нужно доверять до конца или совсем не доверять, вот и приходится решать, кто заслуживает доверия. Но это все не тревожило его. Тревожило другое.

Ансельмо был хорошим проводником и умел ходить в горах. Роберт Джордан и сам был неплохой ходок, но за несколько часов пути — они вышли еще до рассвета — он убедился в том, что старик может загнать его насмерть. До сих пор Роберт Джордан доверял Ансельмо во всем — кроме его суждений. Не было пока случая испытать правильность его суждений, и в конце концов за свои суждения каждый отвечает сам. Да, Ансельмо его не тревожил, и задача с мостом была не труднее многих других задач. Нет такого моста, которого он не сумел бы взорвать, и ему уже приходилось взрывать мосты всяких размеров и конструкций. В рюкзаках было достаточно динамита и всего, что необходимо, чтобы взорвать этот мост по всем правилам, даже если он вдвое больше, чем говорит Ансельмо, и чем запомнился ему самому еще с 1933 года, когда он, путешествуя в этих

местах, переходил его на пути в Ла-Гранху, и чем сказано в описании, которое Гольц читал ему позавчера вчером в одной из верхних комнат дома близ Эскуриала.

— Взорвать мост — это еще не все, — сказал тогда Гольц, водя карандашом по большой карте, и его бритая, вся в шрамах голова заблестела при свете лампы. — Вы понимаете?

— Да, я понимаю.

— Это почти что ничего. Просто взять и взорвать мост — это равносильно провалу.

— Да, товарищ генерал.

— Взорвать мост в точно указанный час, сообразуясь с временем, назначенным для наступления, — вот что нужно. Вы понимаете? Вот что нужно, и вот что от вас требуется.

Гольц посмотрел на карандаш и постучал им по зубам.

Роберт Джордан ничего не ответил.

— Вы понимаете? Вот что нужно, и вот что от вас требуется, — повторил Гольц, глядя на него и кивая головой. Теперь он постукивал карандашом по карте. — Вот что сделал бы я. И вот на что нечего и рассчитывать.

— Почему, товарищ генерал?

— Почему? — сердито сказал Гольц. — Мало вы наступлений видели, если спрашиваете меня почему. Кто поручится, что мои приказы не будут изменены? Кто поручится, что наступление не будет отменено? Кто поручится, что оно начнется хотя бы через шесть часов после назначенного срока? Был ли когда-нибудь случай, чтобы наступление шло так, как оно должно идти?

— Если наступлением руководите вы, оно начнется вовремя, — сказал тогда Роберт Джордан.

— Я никогда не руковожу наступлением, — сказал Гольц. — Я наступаю. Но я не руковожу наступлением. Артиллерия мне не подчинена. Я должен выпрашивать ее. Мне никогда не дают то, чего я прошу, даже когда можно было бы дать. Но это еще полбеда. Есть и многое другое. Вы знаете, что это за люди. Не стоит вдаваться в подробности. Что-нибудь всегда найдется. Кто-нибудь всегда вмешается нестати. Теперь, надеюсь, вы понимаете?

— Так когда же должен быть взорван мост? — спросил Роберт Джордан.

— Когда наступление начнется. Как только наступление начнется, но не раньше. Так, чтобы по этой дороге не могли подойти подкрепления. — Он показал карандашом. — Я должен знать, что эта дорога отрезана.

— А на когда назначено наступление?

— Сейчас скажу. Но день и час должны служить вам только приблизительным указанием. К этому времени вы должны быть готовы. Вы взорвете мост тогда, когда наступление начнется. Смотрите. — Он указал карандашом. — Это единственная дорога, по которой можно подвести подкрепления. Это единственная дорога, по которой танки, артиллерия или хотя бы грузовики могут пройти к ущелью, где я буду наступать. Я должен знать, что мост взорван.

Нельзя взорвать его заранее, потому что тогда его успеют починить, если наступление будет отложено. Нет, он должен быть взорван, когда наступление начнется, и я должен знать, что его уже нет. Там всего двое часовых. Человек, который вас поведет, только что пришел оттуда. Говорят, на него вполне можно положиться. Вы увидите. У него есть люди в горах. Возьмите столько людей, сколько вам потребуется. Постарайтесь взять как можно меньше, но чтобы их было достаточно. Да мне вас учить нечего.

— А как я узнаю, что наступление началось?

— В нем примет участие целая дивизия. Будет подготовка с воздуха. Вы, кажется, глухотой не страдаете?

— Значит, если я услышу бомбежку, можно считать, что наступление началось?

— Это не всегда так бывает, — сказал Гольц и покачал головой. — Но в данном случае это так. Наступать буду я.

— Ясно, — сказал тогда Роберт Джордан. — Ясно, хотя не очень приятно.

— Мне самому не очень приятно. Если вы не хотите за это браться, говорите сейчас. Если вы думаете, что не справитесь, говорите сейчас.

— Я справлюсь, — сказал Роберт Джордан. — Я сделаю все как нужно.

— Я должен знать только одно, — сказал Гольц. —

12 Что моста нет и дорога отрезана. Это мне необходимо.

— Понятно.

— Я не люблю посылать людей на такие дела и в такой обстановке, — продолжал Гольц. — Я не мог бы приказывать вам это сделать. Я понимаю, к чему могут принудить вас те условия, которые я ставлю. Я все подробно стараюсь объяснить, чтобы вы поняли и чтобы вам были ясны все возможные трудности и все значение этого дела.

— А как же вы продвинетесь к Ла-Гранхе, если мост будет взорван?

— У нас будет с собой все, чтобы восстановить его, как только мы зайдем ущелье. Это очень сложная и очень красивая операция. Сложная и красивая, как всегда. План был сработан в Мадриде. Это очередное творение Висенте Рохо, шедевр незадачливого профессора. Наступать буду я, и, как всегда, с недостаточными силами. И все-таки эта операция осуществима. Я за нее спокойнее, чем обычно. Если удастся разрушить мост, она может быть успешной.

Мы можем взять Сеговию. Смотрите, я сейчас покажу вам весь план. Видите? Мы начинаем не у входа в ущелье. Там мы уже закрепились. Мы начинаем гораздо дальше. Вот, смотрите, отсюда.

— Я не хочу знать, — сказал Роберт Джордан.

— Правильно, — сказал Гольц. — Когда идешь за линию фронта, лучше брать с собой поменьше багажа, да?

— Я всегда предпочитаю не знать. Тогда, если что случится, не я выдам.

— Да, не знать лучше, — сказал Гольц, поглаживая лоб карандашом. — Иногда я и сам рад был бы не знать. Но то, что вам нужно знать про мост, вы знаете?

— Да. Это я знаю.

— Я тоже так думаю, — сказал Гольц. — Ну, я не буду произносить напутственные речи. Давайте выпьем. Когда я много говорю, мне всегда очень хочется пить, товарищ Хордан. Смешно звучит ваше имя по-испански, товарищ Хордан.

— А как звучит по-испански Гольц, товарищ генерал?

— Хоце, — сказал Гольц и ухмыльнулся. «Х» он произносил с глубоким придыханием, как будто отхаркивал мокроту. — Хоце, — прохрипел он. — Камарада

хенераль Хоце. Если б я знал, как испанцы произносят Гольц, я бы себе выбрал имя получше, когда ехал сюда. Подумать только — человек едет командовать дивизией, может выбрать любое имя и выбирает Хоце. Хенераль Хоце. Но теперь уже поздно менять. Как вам нравится партизанская война? — Это было русское название действий в тылу противника.

— Очень нравится, — сказал Роберт Джордан. Он широко улыбнулся. — Все время на воздухе, очень полезно для здоровья.

— Мне она тоже нравилась, когда я был в вашем возрасте, — сказал Гольц. — Я слышал, что вы мастерски взрываете мосты. По всем правилам науки. Но это только слухи. Ведь я никогда не видел вашей работы. Может быть, на самом деле вы ничего не умеете? Вы в самом деле умеете взрывать мосты? — Он теперь поддразнивал Роберта Джордана. — Выпейте. — Он налил ему испанского коньяку. — Вам и в самом деле это удастся?

— Иногда.

— Смотрите, с этим мостом не должно быть никаких «иногда». Нет, хватит разговоров про этот мост. Вы уже достаточно знаете про этот мост. Мы серьезные люди и потому умеем крепко пошутить. Признайтесь, много у вас девушек по ту сторону фронта?

— Нет, на девушек времени не хватает.

— Не согласен. Чем безалабернее служба, тем безалабернее жизнь. Ваша служба очень безалаберная. Кроме того, у вас слишком длинные волосы.

— Мне они не мешают, — сказал Роберт Джордан. Недоставало еще ему обрить голову, как Гольц. — У меня и без девушек есть о чем думать, — сказал он хмуро. — Какую мне надеть форму?

— Формы не надо, — сказал Гольц. — И можете не стричься. Я просто поддразнил вас. Мы с вами очень разные люди, — сказал Гольц и снова налил ему и себе тоже.

— Вы думаете не только о девушках, а и о многом другом. А я вообще ни о чем таком не думаю. На что мне?

Один из штабных офицеров, склонившийся над картой, приколотой к чертежной доске, проворчал что-то на языке, которого Роберт Джордан не понимал.

— Отстань, — ответил Гольц по-английски. — Хочу шутить и шучу. Я такой серьезный, что мне можно шутить. Ну, выпейте и ступайте. Вы все поняли, да?

— Да, — сказал Роберт Джордан. — Я все понял.

Они пожали друг другу руки, он отдал честь и пошел к штабной машине, где старик, дожидаясь его, уснул на сиденье, и в этой машине они поехали по шоссе на Гвадарраму, причем старик так и не проснулся, а потом свернули на Навасеррадскую дорогу и добрались до альпинистской базы, и Роберт Джордан часа три поспал там, перед тем как тронуться в путь.

Он тогда последний раз видел Гольца, его странное белое лицо, которое не брал загар, ястребиные глаза, большой нос, и тонкие губы, и бритую голову, изборожденную морщинами и шрамами. Завтра ночью, в темноте, начнется движение на дороге перед Эскуриалом; длинные вереницы грузовиков, и на них в темноте рассаживается пехота; бойцы в тяжелой амуниции взбираются на грузовики; пулеметчики втаскивают пулеметы на грузовики; на длинные автоплатформы вкатывают цистерны с горючим; дивизия выступает в ночной поход, готовясь к наступлению в ущелье. Нечего ему думать об этом. Это не его дело. Это дело Гольца. У него есть своя задача, и о ней он должен думать, и должен продумать все до полной ясности, и быть готовым ко всему, и ни о чем не тревожиться. Тревога не лучше страха. От нее только трудней.

Он сидел у ручья, глядя, как прозрачные струйки бегут между камнями, и вдруг на том берегу увидел густую поросль дикого кресс-салата. Он перешел ручей, вырвал сразу целый пучок, смыл в воде землю с корней, потом снова сел возле своего рюкзака и стал жевать чистую, холодную зелень и хрусткие, горьковатые стебли. Потом он встал на колени, передвинул револьвер, висевший на поясе, за спину, чтобы не замочить его, пригнулся, упираясь руками в камни, и напился из ручья. От холодной воды заломило зубы.

Он оттолкнулся руками, повернул голову и увидел спускавшегося со скалы старика. С ним шел еще один человек, тоже в черной крестьянской блузе и серых штанах, которые в этой местности носили почти как форму;